

**Поиски беглецов на южной границе России в 30-40-х гг.
XVII в. (На примере Козловского уезда)²**

Колонизация; пограничье; сыск; беглые; крестьяне.

В статье рассматривается вопрос о бегстве населения в новый пограничный уезд на юге России и системе государственного сыска.

Внутренняя колонизация страны всегда сопровождается массовым переселением населения на новые места, рассчитывающего изменить свой социальный и экономический статус. Порубежье создавало особые зоны контакта и противоборства, которые привлекали пассивное население центральных районов страны, где имелись возможности профессионального и социального лифта невозможного на староосвоенных землях [2]. В научной литературе вопрос о поиске беглого населения с конца 50-х гг. XVII в., связанного с реализацией положений Соборного Уложения об отмене урочных лет, является достаточно разработанным [3; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12]. Гораздо хуже изучен предшествующий период до 1649 г. [4]

Мы рассмотрим процесс поиска беглых на примере Козлова и Козловского уезда, первого нового города, появившегося в XVII в. на южной границе государства. Документы по сыску беглых крестьян встречаются как единичные челобитные, так и целые подборки дел за один год³.

Первые попытки возвращения беглых были предприняты владельцами еще в 1636 г., то есть на следующий год после строительства Козлова⁴. А затем продолжены в последующие годы. Массовый сыск беглых в Козловском уезде в 40-е гг. XVII в. происходил не случайно. К этому времени бегство владельческого населения на юг

¹ Мизис Юрий Александрович, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина (РФ, Тамбов), д.и.н., ymizis49@yandex.ru.

² Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 14-01-00355.

³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 121, 123, 128, 140, 176.

⁴ Там же. № 121.

Российского государства приняло массовый характер и наносило серьезный ущерб экономике помещичьих хозяйств. Сам механизм поиска и возвращения крестьян был достаточно неплохо отработан в предшествующий период. В 1619 г. московское правительство молодого царя Михаила Федоровича отправило окружную грамоту с целью проведения описей населения [1, № 105]. Материалы этой переписи собирались до 1625 г. и использовались для поиска бежавших крестьян.

Первоначально владелец беглых посылал челобитную на царское имя в Разрядный приказ, который руководил Козловским уездом. В ней он называл имена и прозвища своих крестьян и обосновывал причину их возврата. Дьяк Разрядного приказа приказывал готовить специальное письмо на имя местного воеводы, в котором приводилась аргументация владельца беглого крестьянина, и требовал провести сыск в уезде. Беглеца вызывали в Приказную избу. Здесь ему объявляли содержание челобитной и требование выдать его на поруки кому-то из местных служилых людей, которые должны были ручаться за него и гарантировать приезд в Москву. Если находились поручики, то с них брали «поручную запись», которую так же отправляли в Разрядный приказ. После этого ответчик выезжал в Москву за свой счет и должен был предстать на очной ставке перед истцом в заранее оговоренное время. Например, в мае 1639 г. козловский воевода сообщил в Разрядный приказ, что местные поместные атаманы дали поручные записи атаману Ф.И. Алтабаеву в его поездке в Москву на очную ставку по поводу «крестьянства»⁵.

Если поручителей не находили, воевода мог посадить виновного в тюрьму, а затем отправить его в сопровождении пристава в Москву на суд. Встать на Москве в Разрядном приказе истец и челобитчики должны были на «Рождество Христово», в «Вербное Воскресенье» или в другой определенный день. Среди челобитных значительная часть принадлежала дворянам соседних уездов: Болховского, Воронежского, Елецкого, Каширского, Лебедянского, Мценского, Новосильского, Переславль-Рязанского, Рязанского, Тульского. Запись на службу в Козлов происходила на основании царского указа. «И по нашему указу велено в новом Козлове городе писать в службу вольных и гулящих людей, которые дети боярские и стрельцы, и казаки, и всякие служилые люди покиня свою службу в 122 году, а живут во крестьянех за бояры и за окольными, и за монастыри, и за всякие людьми»⁶. Отдельно стоял вопрос о родившихся в кабале детях быв-

⁵ Там же. № 123. Л. 132.

⁶ Там же. № 121. С. 2.

ших служилых людей. Если они не были записаны в какие-нибудь службы, то их не разрешали принимать в воинскую службу в новых городах и считали беглыми. В 1640-1641 гг. среди беглых стало больше наблюдаться жителей центральных уездов России, в частности Каширского и Дедиловского.

Варианты бегства крестьян и приход их в новый город были весьма разнообразны. Иногда беглецы жили за владельцами промежуточных уездов. Так князь М.И. Мещерский жаловался на бегство своего крестьянина М.Г. Бывальца в 1632 г. из Рязанского поместья с. Кисвы. Тот вместе с женой и детьми ушел к город Скопин, где жил в вотчине боярина И.Н. Романова, который после неоднократных жалоб новому владельцу отдал распоряжение о его возвращении. Узнав об этом М.Г. Бывалец бежал в Козлов и записался в стрельцы⁷.

Часто бегство принимало групповой характер и сопровождалось вывозом значительного движимого имущества. В 1636 г. из Лебедянского поместья Б. Плещеева бежали 12 крестьян, вместе с семьями, 9 лошадьми ценою в 64 руб. и не выплаченным оброком размером в 96 руб.⁸ Иногда бежавшие крестьяне, чтобы скрыть свой прежний статус, прибегали к смене официального имени и прозвища. Крестьянин воронежского атамана Б. Титова Д. Бочар в 1636 г. бежал от своего владельца в Козлов и записался в сторожевые казаки под прозвищем Конюхов⁹. При этом взял с собой винный котел, 20 пчелиных ульев и 2 руб. наличных денег. Таких пример было достаточно много.

Примечательно, что побег совершали и помещичьи крестьяне южного города Воронежа. Здесь уже в 20-30-е гг. XVII в. сложилась большая община мелкопоместных дворян [6]. В 1640 г. челобитную подали в Разрядный приказ воронежские дети боярские, требовавшие возвращение своих беглых крестьян в количестве 14 человек вместе с семьями, которые бежали в 1636-1638 гг.¹⁰ Все они ушли в Козлов и записались в разные службы. В 1638 г. дворяне от имени всего города Воронежа просили козловского воеводу не принимать на службу их беглых крестьян.

Другой случай был описан в челобитной козловского сына боярского Ф.И. Короваева¹¹. По государеву указу разрешалось принимать служилых людей южнорусских городов служивших с 1613 г. Челобит-

⁷ Там же. Л. 18.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ Там же. С. 27.

¹⁰ Там же. № 123. Л. 286–287.

¹¹ Там же. Л. 158–159.

чик был до 1616 г. стрельцом в Михайлове., затем от «бедности» ушел в Елец, где поселился в Пушкарской слободе в качестве наемного работника и прожил там более 5 лет. Отсюда перешел в Елецкий уезд за Троицкий монастырь. Здесь он услышал весть о строительстве нового города на Воронеже и поверстался в Козлов в дети боярские. Когда он приехал за своим имуществом в Елец, его арестовали по требованию монастырского старца Иева Уколова, обвинив в старинном крестьянстве. Поэтому ответчик требовал суда для доказательства своего военного происхождения.

Некоторые случаи побегов носил такой запутанный характер, что истину можно было выявить только во время судебного разбирательства в приказах «очи в очи». Группа козловских детей боярских была обвинена в бегстве из вотчины рязанского архиепископа как бывшие крестьяне¹². На что ответчики отметили, что они никогда не были записаны в книгах или крепостях за архиепископом, а вынуждено ушли из разоренных городов Михайлова и Рязска в архиепископскую вотчину с. Княжево Рязанского уезда. Здесь жили в сторожевых детях боярских на «полуслужбе» и ушли сдав свою службу. Козловцы просили не отправлять их в Москву для очной ставки, а провести сыск среди служилых людей их бывших городов. Немалое число бывших служилых людей и их дети вынуждены были после Смутного времени скитаться по Руси, добровольно записываясь в бобыли и работники.

Кроме посылок челобитных из Разрядного приказа встречался прямой сыск беглых через приставов владельцев. Так 8 марта 1637 г. в козловскую съезжую избу при местных воеводах пришел пристав стольника князя И. Лыкова Мальцев¹³. На личную ставку с ним привели козловских сторожевого казака А. Киреева и полкового казака И. Воробьева, которых он обвинил в побеге от своего владельца. Однако никаких письменных подтверждений сыщик не предъявил, и дело было отправлено на доследование в Разрядный приказ.

Не всем беглецам везло с записью в служилые люди. Ряд из них вынуждены были записаться в качестве наемных работников за козловскими служилыми людьми¹⁴. Скорее всего они рассчитывали на изменения своего статуса впоследствии. В 1638 г. из вотчины княгини А. Трубецкой с. Деревенска Рязанского у. сбежал в Козлов крестьянин М. Репин с женой и детьми. А жил он «в Козлова города в крестьянех

¹² Там же. № 121. С. 31.

¹³ Там же. С. 100-101.

¹⁴ Там же. С. 65.

переходя», то есть постоянно меняя хозяев¹⁵.

Воеводы русского пограничья начинали процедуру сыска только при наличии государевой грамоты из приказа, так как многие беглецы получили государево жалование за запись на службу. Встречались конфликты между новыми поселенцами и уже устроившимися, как это было в козловском с. Назарьево¹⁶. Воспользовавшись жалобой путного ключника дворцовой Шацкой волости на возвращение беглых, к ней подключились местные дети боярские, жалуясь на притеснения новопоселенцев.

Одной из серьезных проблем колонизации юга России оставалась острая нехватка женщин. Основная часть переселенцев уходила на новые места с семьями, однако немало встречалось неженатой молодежи. В первые переселенческие годы не все они могли обзавестись семьей. Имелись случаи подговора вдов с детьми к переезду на новые земли. Например белевский дворянин И.Д. Левшин жаловался 21 июня 1640 г. на бегство из его поместья дворовой «женки» А.З. Косовой, которую подговорил крестьянин местного помещика Воейкова¹⁷. Они вместе ушли в Козловский у. в д. Поддубовое, где записались в дети боярские.

Таким образом, основная часть переселенцев состояла из беглых крестьян, которые пытались изменить свой социальный и профессиональный статус. В этом было принципиальное отличие от крестьянских побегов центральных уездов, которые зачастую приводили только к смене владельцев. Южная граница предоставляла иные возможности и манила не только плодородными землями, но и получением воли и свободы от крепостной зависимости. Однако не все беглецы могли сразу записаться в службу, определенная их часть оставалась за местными служилыми людьми в качестве временных работников, рассчитывая со временем самим записаться в службу [4]. В рассматриваемый период челобитные поступали как от знати, так и от рядового дворянства в чине детей боярских.

Требования возвращения беглых владельческих крестьян через Разрядный приказ местные воеводы проигнорировать не могли. Большинство спорных дел не рассматривались на месте, а отправлялись на суд в Москву. Здесь на очной ставке в присутствии дьяка истец должен был доказать права на владение крестьянином со ссылкой на документы. В случае положительного решения ссудного дела крестья-

¹⁵ Там же. С. 83.

¹⁶ Там же. № 140. Л. 120–121, 124–127.

¹⁷ Там же. № 123. Л. 191.

нина возвращали прежнему владельцу. Если доказать права на него не удавалось, то он возвращался на прежнее место службы. Однако если истец не являлся на суд без объяснения причин, тогда дьяк принимал решение завершить судебное разбирательство, отправить ответчика обратно на службу и запретить в другой раз подавать подобную жалобу.

Если на суд не являлся ответчик, воеводе поручали принудительно доставить его в Москву. Например, елецкий сын боярский И. Савельев писал три челобитные с просьбой о выдаче ему беглого крестьянин М. Макарова, который в новом г. Козлове записался в дети боярские¹⁸. Первые два письма он писал на имя воеводы И.В. Биркина и не получил ответа. Третье письмо ушло на имя И. Кикина, с требованием выслать ответчика в Москву. Сам истец приехал вовремя, а ответчик так и не прибыл. Поэтому воеводе было предложено доставить ответчика на суд в Москву с приставом.

Дворянство не только стремилось вернуть своих крестьян, но и боялось потерять остальных крестьян, для которых беглые служили примером решительного и успешного изменения социального статуса. Отсутствие реальных возможностей у владельцев лично вернуть своих бывших крестьян заставляло прибегать к помощи государства. Иногда местное население пыталось саботировать поиски беглецов, пряча своих соплеменников, ссылаясь на их исчезновение или отсутствия таковых. Воеводы не торопились их возвращать, опасаясь обезлюдения своих уездов. В этом случае все зависело от настойчивости истца и воеводы довести дело до суда. Непоследовательная политика по отношению к беглому населению объяснялась государственными интересами по освоению и защите новых территорий. Здесь правительству приходилось идти на компромисс, сдерживая аппетиты дворянского сословия. Несвершенство системы сыска потребовало на следующем этапе новых форм и методов.

1. Акты археографической экспедиции. Т. III. СПб. 1837.
2. *Белаш Н.Ю.* Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах // *Общественные науки и современность.* 1998. № 5.
3. *Булыгин И.А.* Беглые крестьяне Рязанского уезда в 60-е годы XVII в. // *Исторические записки.* Т. 43. М., 1953.
4. *Важинский В.М.* Земледелие и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974.
5. *Вайнберг Е.И.* Борьба крестьян против крепостничества на южной окраине русского государства в первой половине XVII в. // *Новое о прошлом*

¹⁸ Там же. № 123. Л. 48–49.

- нашей страны. М., 1967.
6. *Глазьев В.Н.* Воронежское дворянство XVII в.: роль в местном управлении // Из истории Воронежского края. Сборник статей. Вып. 8. Воронеж, 2000.
 7. *Новосельский А.А.* Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Труды института истории. Сборник статей. М., 1926.
 8. *Мизис Ю.А.* Заселение Тамбовского края в XVII–XVIII веках. Тамбов, 1990.
 9. *Новосельский А.А.* Отданные книги беглых, как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII веке // Труды историко-архивного института. Т. 2. М., 1946.
 10. *Швецова Е.А.* Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1963.
 11. *Швецова Е.А.* Колонизация Тамбовского уезда в XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 год. Кишинев, 1966.
 12. *Швецова Е.А.* Хозяйство дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII века // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1966. Таллин, 1971.